

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 28

Независимое Издательство

Аннотация

«Как только в вашем сознании возникает одна мысль сомнения, земля становится преградой для вас. Как только в вашем сознании возникает одна гневная мысль, огонь начинает обжигать вас. Как только в вашем сознании возникает одна радостная мысль, ветер начинает дуть на вас..» (С)

Мысли - это неотъемлемая часть нашей жизни, мысль руководит нашим сознанием. В сборнике «Сокровенные мысли» мы собрали авторов, проза которых заставит каждого из Вас глубоко окунуться в мир непостижимого, которым мы окружены.

ISBN: 978-1-716-07357-1

УДК: 1751

Budapest 2021

Итоги конкурса

1 место: Наджия Макогонова

Дополнительная информация от первого лица:

Макогонова Наджия Идрисовна родилась в 1959 году в Омской области. В 1977 году окончила среднюю школу в городе Тара Омской области. В 1985 году окончила Иркутский институт иностранных языков. Всю свою жизнь посвятила воспитанию подрастающего поколения и преподаванию французского и английского языков.

Любовь к Слову и русской словесности мне привили мои школьные учителя Думова Зоя Григорьевна и Туранская Лида Константиновна.

Мои произведения нигде не издавались. С 2018 года размещаю стихи и прозу на сайте «Изба - читальня» и «Стихи.ру».

Замужем. Вырастили двоих детей.

Православная христианка.

2 место: Сергей Першутин

(Творческий псевдоним: «Расулов Илия»)

3 место: Людмила Рогочая

Дополнительная информация от первого лица:

Родилась в г. Грозном в рабочей семье. Огромное влияние на меня оказали бабушки, носительницы казачьей культуры Терека. Читать начала в четыре года, тогда же стала посещать библиотеку, где брала книги на карточку отца.

Стихи начала писать в девять лет. Первое стихотворение, опубликованное в республиканской газете «Грозненский рабочий» относится к 1965 году.

Поступила в Чечено-Ингушский государственный университет им. Л.Н.Толстого на филологический факультет. В этот же год стала лауреатом республиканского конкурса молодых поэтов и получила приглашение

сотрудничать с молодёжной редакцией Республиканского комитета по радиовещанию и телевидению. Сама и читала свои тексты. Несколько материалов прошло на волнах радиостанции «Юность».

Со второго курса увлеклась наукой: древними и славянскими языками, диалектологией, фольклором. По окончании вуза была приглашена на кафедру «Общее языкознание» преподавать лингвистические дисциплины. Окончила аспирантуру и была избрана на должность «старшего преподавателя». Прошла стажировку в МГУ по специальности «Славянские языки». Публиковала научные работы и писала стихи.

1991 год.... Рухнул мир и перекрыт исток. Я вынужденная переселенка с семьёй приехала в ст. Кущёвскую Краснодарского края, на родину предков мужа. Работала в образовании, культуре

В 1999 году начала писать прозу В 2008 году принята в РСП.

Основные книги:

1. Вера. Повести и рассказы. «Булат», Ростов-на-Дону, 2004 год.
2. Мелодии души. Стихи. «Булат», Ростов-на Дону, 2004 год.
3. Тихая родина. Стихи. «Булат», Ростов-на Дону, 2006 год.
4. Ищу пристанище. Повести и рассказы. «Булат», Ростов-на-Дону, 2007 год.
5. Куколки. Для детей. «Булат», Ростов-на-Дону, 2009 год.
6. Казачья старина. Хроники казачьего рода. «Булат», Ростов-на-Дону, 2010 год.
7. Из жизни Шунди. Повести и рассказы. «Булат», Ростов-на-Дону, 2013 год.
8. На арфе солнечных лучей. Лирика. Ростов-на-Дону, 2014 год.
9. Кубанский шлях. Исторический роман. «Союз писателей», Новокузнецк, 2016 год.
10. Сенсация. Рассказы с элементами мистики и фантастики. «Luli», Торонто, 2019 год.

Содержание

Наджия Макогонова	6
Расулов Илия	12
Людмила Рогочая	18
Андрей Смолюк	24
Вадим Мальцев	30
Татьяна Воронова	35
Контактная информация авторов	48

Наджия Макогонова

Желание

1.

В доме напротив один за одним зажигались огни. В незашторенных окнах изредка мелькали силуэты пап и мам, а также бабушек и дедушек. У некоторых из них на руках восседали карапузы. Кое-где детки постарше сидели, уставившись в мониторы своих компьютеров.

В Сониной квартире было темно и тихо, и она не хотела отходить от окна. Соня была совсем одна. Её единственная бабушка жила очень далеко и Соня никогда её не видела. Раньше они жили втроём: мама, папа и дочка. Жили дружно, весело. Соня ходила в детский сад, мама работала в больнице, папа ездил далеко на север, на вахту – говорил он. Две недели Соня и мама оставались вдвоём, а потом папа возвращался и следующие две недели были для всех настоящим праздником. Но однажды папа не вернулся. Мама выбилась из сил, разыскивая его, но узнать ничего не удалось. Было ясно одно: папа вместе со всей бригадой доехал до родного города, но исчез совсем недалеко от своего дома. Так они остались вдвоём. Маме приходилось много работать и в будние дни они виделись только по утрам. Она провожала дочку в школу, а назад девочка возвращалась с тётей Таней, которая жила в соседнем подъезде. Соня и Мишка, сын тёти Тани, учились в одном классе.

Вот уже два года подряд в декабре Соня писала письмо Деду Морозу. Первое письмо было написано печатными буквами (Соня ещё не ходила в школу), а второе она старательно вывела прописью. Сегодня она написала своё третье письмо Деду Морозу. Справилась довольно быстро и сама склеила и разрисовала для него красивый конверт. Во всех трёх письмах было одно желание: « Дедушка Мороз! Сделай так, чтобы мой папа вернулся домой!» Соня никому, даже маме, не рассказывала об этих письмах – ведь если о них узнают все, желание не сбудется!

Третье письмо было сейчас у Сони в руках. Ей хотелось отправить его так, чтобы мама не узнала о нём. Но она не разрешает выходить в город одной даже днём...Девочка накинула куртку, взяла конверт и вышла на площадку. Закрыв дверь на ключ, она на лифте спустилась вниз. Дежурная консьержка Мария Ивановна увидела подошедшую к окну дежурки девочку. Большие карие глаза Сонечки смотрели робко, она хотела о чём – то попросить, но не решалась.

- Что тебе, милая? – Мария Ивановна впустила Соню внутрь комнаты и усадила на низенький диванчик у окна. Она жалела эту грустную девочку, зная об их беде. Марию Ивановну Соня знает давно, с тех пор, как себя помнит. У неё очень мудрые лучистые глаза и серебристые волосы. Если ей на голову надеть красивую шляпу с вуалью, как в сказке, то сразу будет понятно, что это фея. Добрая фея.

- Мне.. Вы не отправите это письмо? ... Мама не разрешает мне одной отлучаться из дома,- девочка робко взглянула в глаза Марии Ивановне. Старушка лишь мельком взглянула на конверт, но сразу всё поняла. Она обняла Сонечку и прижала к груди. Помолчав, она ответила;

- Не того ты просишь, доченька. Он в твоей беде не помощник.

- А кто нам может помочь? Кого просить?- голос девочки задрожал.

Мария Ивановна раскрыла сжатую ладонь. На ладони лежала маленькая иконка в кожаной оплётке. На иконе Соня увидела изображение старца в красивой церковной одежде. Из-под красивой круглой шапочки спадали белоснежные волосы. Борода тоже была белосеребристая.

- Вот кого надо просить, милая. Это Николай Чудотворец, святой всему миру известный. Все к нему обращаются со своими бедами и горестями. И всем он помогает.

Мария Ивановна достала из коробочки тоненькую чёрную верёвочку и ловко продернула её через маленькое отверстие в оплётке иконки.

-Будешь носить её на груди рядом с крестиком. И молись постоянно, не уставая.

- А как молиться?

- А вот так: «Святитель Отче Николае, моли Бога обо мне!» А дальше своими словами можешь просить. Сегодня особенно усердно нужно молиться – его праздник сегодня, его день!

- Спасибо! – повеселевшая девочка направилась к двери.

- Ой, Сонечка, подожди! Совсем забыла! Я тебе тут подружку нашла! Посмотри-ка! – она быстро подошла к стулу, на котором, мирно посапывая, спала белая кошка и взяла её на руки. Кошка открыла глаза. Они были голубые! А нос –розовый и очень походил на бусинку.

- Какая красивая!!! – восторженно воскликнула Соня, принимая кошку на руки. – А мама? Вдруг не разрешит?

- Разрешит. Я поговорю с ней. Тебе не будет так одиноко.

- Спасибо, Мария Ивановна! Вы такая добрая! – девочка сияла словно солнце.

- Ну, ступай, ступай. С Богом!

2.

Наступил Новый Год. Новогодние утренники и подарки уже позади. Приближалось Рождество. В жизни Сони, кажется, ничего не изменилось. Но на подоконнике смотрела в окно вместе с Соней красавица Бусинка, а на груди, рядом с крестиком, грела сердце чудесная иконка. И то ли от этого, то ли ещё от чего-то казалось девочке, что впереди забрезжил свет и ждёт её большая радость. Она то и дело доставала из-за пазухи иконку и, глядя на доброе лицо святого, шептала молитву.

В канун Рождества мама опять была на работе. Тётя Таня и Мишка каждый день ходили на каток в парк отдыха, что недалеко от их дома. Сегодня они взяли с собой Соню. Было так весело! На катке играла музыка. Сколько взрослых и детей было здесь! И отовсюду смех, улыбки, радостные возгласы! Счастливые и возбуждённые, Соня, Мишка и тётя Таня возвращались домой уже затемно. На свой шестой этаж девочка пошла пешком. На площадке пожилая соседка поджидала лифт. Поздоровавшись, Соня открыла дверь квартиры и вдруг из тёмного проема на площадку выскочила Бусинка. Удивлённая Соня не успела и слова вымолвить, как Бусинка прошмыгнула в закрывающуюся дверь лифта.

И он поехал вниз! Бросив коньки, Соня кинулась вниз по лестнице. На первом этаже Бусинки не было. Девочка выбежала на улицу и увидела свою кошку, еле различимую на фоне засыпанного снегом тротуара. Он убегала! Как будто торопилась куда-то! Соня спешила за ней, то и дело теряя кошку из виду. Вот Бусинка уже у дороги! Но там ведь так опасно! Транспорт идёт бесконечной непрерывной полосой! Вдруг Бусинка остановилась и запрыгнула в открытую дверь маршрутки, стоящей на остановке! Соня из последних сил рванулась к маршрутке и успела встать на ступеньку, когда дверь уже начала закрываться. Уф! На секунду она присела на сиденье и огляделась. Людей в салоне было мало, человек пять. Бусинки нигде не было видно.

- Бусинка! Бусинка! Кис-кис-кис!- срывающимся охрипшим голосом звала Соня, проползая на коленках по проходу и заглядывая под сиденья. Удивлённые пассажиры невольно включились в поиски, осматривая пол у своих ног.

Водитель маршрутки время от времени посматривал в салон, но молчал. Наконец, он не выдержал:

- Что там происходит? Что с девочкой? Кто родители? Поднимите ребёнка с пола!

- Да она одна, без родителей, кошку ищет.
- Какую кошку?! – сердито закричал водитель.
- Белую! – заплакала Соня – Она на остановке забежала сюда!
- Не было тут никакой кошки. У меня всё под контролем. А ты куда ночью, да ещё одна?
- Ой, остановите! Мне нужно домой!- закричала Соня.

Маршрутка остановилась. Соня выскочила на дорогу. Огни маршрутки скрылись в темноте, и девочка увидела, что она вовсе не в городе, как должно было быть. Она стоит одна на пустынной дороге посреди леса! Они ведь ехали всего минут пять...

Она сразу подумала о маме. Мама может потерять ещё и дочку. Её... Соню...Мама не переживёт! « Мама не должна потерять меня!» - твёрдо решила девочка и, готовые пролиться слёзки, застыли в её глазах. Она повернулась и пошла назад, по направлению к городу. Левую руку она держала на груди там, где была иконка. И молилась.

Она шла уже давно, а городских огней всё не было видно. Ни машин, ни автобусов. Да и дорога стала уже, и идти стало труднее, потому что она была не очищена от снега. Как Соня оказалась на этой дороге? Ведь она никуда не сворачивала.

Вскоре силы начали покидать её. Ноги отказывались идти. Только губы шевелились. Она опустилась на снег. Закрыла глаза...Она только чуточку отдохнёт... « Святитель Отче Николае! Моли Бога о нас!...Сделай так, чтобы мы с папой вернулись домой!»

Соня заснула.

3.

Она очнулась от запаха. Какого-то вкусного, сладкого запаха.. Когда-то она встречалась с ним. А потом пришли звуки, такие же красивые, как этот запах... Такое пение она уже слышала... Где? Когда? Хотелось вспомнить. Соня открыла глаза.

- Смотрите, очнулась! – радостно прошептал женский голос. – Как тебя зовут, детка?

- Соня,- выдохнула девочка. – Где я? – она попыталась встать.

-Тише, тише, полежи ещё немного, Сонечка.

Соня закрыла глаза. Чьи-то горячие пальцы продолжали растирать её руки и ноги. Ей было тепло и спокойно, как будто она уже вернулась домой.

Когда Соня вновь открыла глаза, она поняла, что находится в храме! Высокий сводчатый потолок был расписан красивыми картинами,

огромная многоярусная люстра светилась огнями! Горели свечи. Сильный мужской голос торжественно произносил слова молитвы, а хор радостно вторил ему. Соня поняла, что она находится на службе, на праздничной Рождественской службе! Девочка встала.

Народу в храме было немного, да и был он совсем небольшим. Рядом с лавочкой, на которой очнулась Соня, молились женщины. Мужчины, держа в руках свои шапки, стояли с другой стороны. На стенах висели огромные иконы в красивых резных рамах. Где-то здесь обязательно должна быть икона Николая Чудотворца...Святитель Отче Николае, моли Бога о нас!

Но вот служба закончилась. Батюшка, совсем ещё не старый, в праздничном церковном одеянии, поздравил своих прихожан с Рождеством Христовым и люди по очереди стали подходить, чтобы приложиться к кресту. Сначала пошли мужчины. Одна из женщин взяла Сонию за руку, но она, замерев на месте, не отрываясь, смотрела на высокого худощавого мужчину с бородой и длинными тёмными волосами, стянутыми в хвост. Он только что приложился к кресту и шёл прямо туда, где стояла Соня.

- Папа?... – прошептала Соня. – Папочка! – закричала она и бросилась на шею растерявшемуся мужчине. В храме воцарилась тишина. Все взоры были обращены на человека с девочкой на руках. Люди видели, как его растерянный, недоумённый взгляд вдруг, как вспышкой, осветился радостью, и из глаз потекли слёзы.

- Дочка! Сонечка!

Прихожане дружно ахнули.

- Слава Богу! – слышалось со всех сторон. – Вспомнил!

- Вернулась память! Слава Богу!

Эпилог

Солнце ещё только готовилось послать свои первые лучи из-за горизонта, а Соня и папа уже стояли у двери своей квартиры. Дверь не была закрыта на ключ. Девочка вбежала первой. На кухне, одетая в шубу, сидя за столом, спала мама.

- Мамочка,- прошептала Соня, и мама сразу подняла заплаканное лицо.

-Доченька! - она обхватила Сонину голову руками и прижала к груди. И только сейчас она увидела Алексея.

-Мама, Николай Угодник выполнил моё желание — он нашёл нашего папу!

Когда Соня подошла к окну, небо над домом напротив порозовело. Из кухни доносились голоса мамы и папы.

-Вернулся!.. Живой! — плакала от радости мама.

- Живой!...Вернулся!... - эхом вторил папа.

Свернувшись калачиком, на подоконнике спала Бусинка.

А на груди у Сони, рядом с крестиком, грела сердце чудесная иконка.

Расулов Илия

Он пришел за мной

Не знаю с чего начать, я ведь никогда не писал ничего кроме писем своему старику-отцу. Да и письма то писал не я, а супруга. Я лишь диктовал их. Пожалуй, начну с того, что запомнил. Или точнее не смог забыть...

Это случилось давно, в далеком шестьдесят девятом. Но я помню все как сейчас. Думаю, что забыть такое не под силу даже самым равнодушным. Тянулись холодные октябрьские дни. За окном нашей глухой одинокой больницы Святого Б-а, где я тогда трудился, все было так уныло и мрачно, что и работать совсем не хотелось. Впрочем, и дома было нечего делать. Дни были долгими, нудными и все в нашей больнице, включая и простых санитаров (таких как я), это ощущали. Мы почти не разговаривали друг с другом. Было просто не о чем говорить. Так, бывало, заглянешь в палату, передашь поручение от доктора, принесешь лекарства, ну и, конечно, вынесешь утки с ночи, пробурчав что-то невнятное и довольно. Больница наша стояла рядом с небольшой рощей, куда я, бывало, уходил, чтобы насладиться свежим чистым воздухом. За шесть лет работы я привык ко всему: и к капризным пациентам, и к высокомерным старым докторам, и к этим гудящим лампам, наводившим тоску и апатию по ночам. Одного лишь я по-прежнему не мог переносить, хотя и чувствовал, что со временем и к этому стал менее раздражителен. Это запах. Этот больничный запах сводил меня с ума весь первый год. Если бы не эта роща, и не знаю, чтобы я делал. Но вот, наконец, случилось одно событие, которому, в общем-то, и посвящен этот рассказ.

Как-то утром поступил новый тяжело больной. Не помню точно, как старик попал к нам, но знаю, что случилось это не в мою смену. Не то, чтобы это показалось особенным событием в нашем унылом коллективе медперсонала, но все же из-за однообразия мы даже как-то в глубине души ждали кого-нибудь, чтобы развеять скуку. Надеялись, так сказать, на что-нибудь интересное. Правду говорят люди – будь осторожнее со своими желаниями. Того, что случилось, разумеется, не ожидал никто. Но об этом в свое время. Старик был, как мы сразу поняли, не жилец. Ему было уже за восемьдесят, и он слег после очередного сердечного приступа. Таким, как у нас говорится, уже карета подана. На что все сразу обратили внимание, так это на его внешний вид. Это был старый индеец. Было ясно, что он был мало того, что индеец, да еще и какой-то шаман,

вызыватель духов. Его маленькие черные глаза смотрели грустно и как-то пусто, безучастно. Лицом он слегка походил на гориллу. Седые волосы были распущены, а под левым глазом был виден глубокий шрам, как после рваной раны. Одет он был очень бедно и просто. Во всяком случае, для шамана. На нем была длинная рубашка и теплый жилет. На ногах черные мешковатые брюки и грязные сапоги. На груди виднелся медальон, будто бы обшитый кожей.

Неожиданная новость о прибытии старого шамана быстро облетела всю больницу и каждый, начиная с уборщицы и кончая главным доктором, считали своим долгом в самые короткие сроки составить свое мнение о загадочном старикашке. Впрочем, вскоре все также быстро утихло, как и началось. Ожидания надеющейся публики не подтвердились, и все пошло опять своим унылым ходом. Ну, или почти все. Этот старый индеец ни с кем не разговаривал, все время лежал на койке и смотрел вверх, как бы медленно ожидая смерти. Он безропотно принимал лекарства и вел себя так, как будто его вообще среди нас не было. Я уже было подумал, что он и по-английски- то не говорит, но услышав однажды, как тот объясняется с доктором, понял, что он вполне все понимает и говорит свободно.

Так прошло еще четыре месяца. За все это время старика навестили только раз, наверно, семь или восемь. К нему приезжала молодая девушка, оказавшаяся его дочерью и двое молодых людей, тоже индейцы. Все они были всегда вполне дружелюбны и как-то уж слишком по-простому одеты, то есть никаких птичьих перьев или краски на лице, как, впрочем, и у старика. От своего друга, тоже санитаря, я узнал, что шаман и его близкие пожаловали к нам из какого-то поселения, о котором все знали, но точно сказать никто не мог. Не знаю, что заставило их выбрать именно эту больницу, и как они вообще здесь очутились. Помню только, что в их приезде было много странностей. Да и необычно было видеть шамана на больничной койке. По рассказам моего отца, эти индейцы сами способны исцелить кого угодно. Но все же он оказался здесь с нами и жил нашей больничной жизнью, хотя и обособленно. Событие же потрясшее всю больницу, да и, пожалуй, всю округу случилось как раз четыре месяца спустя.

Надо заметить, что кроме индейца, в палате лежало еще два человека. Оба они были безнадежно больны и находились в больнице уже довольно долго. Один из них, старик Эдди, был рабочим и никогда не имел детей. Его дом был почти рядом с больницей, но он был пуст и холоден. Эдди знал, что умирает и даже не думал бороться. Он перенес несколько операций на сердце, но только потому, что не хотел огорчать

докторов. Одним словом, Эдди решил, что последние месяцы жизни он непременно должен провести под чьим-то присмотром, в тепле и пусть и унылой, но все же компании медперсонала. Вторым ожидавшим смерти больным был Мистер Гоулман. На самом деле, его называли «мистер» скорее шутя, чем всерьез. Это был местный сумасшедший, старик лет шестидесяти восьми, которого поместил к нам в прошлом году сам шериф. Это был бродяга, бывший заключенный. Не знаю, как он потерял свой рассудок, но я бы никогда не смог представить его в здравом уме. Его маленькие хитрые глазки и лукавая улыбка, как у ребенка, затеявшего что-нибудь запретное, всегда выдавали полную неспособность даже прикинуться взрослым рассудительным человеком. Наверно, шериф пожалел его. Я даже где-то слышал, что он приходился ему дальним кузеном, но, по-моему, это были лишь слухи. Да и больница наша уже давно стала как бы пристанищем бродяг и одиноких умирающих стариков.

Наконец, наступило то, о чем я и хотел рассказать. Была моя смена. После обеда, как это водится в палате для «безнадежных» наступил час покоя. Я не знаю, почему мне вдруг захотелось подняться к Мистеру Гоулману и угостить печеньем, которое испекла моя жена Джесс. Обычно я съедал его один за чашкой кофе во время ночного дежурства. Еще в коридоре я услышал доносившиеся из палаты крики доктора Уоткинса. Я быстро открыл дверь и увидел как он, сестра и посторонний доктор, работающий на нижнем этаже, возились с индейцем. Тут доктор Уоткинс увидел меня. – Быстро, быстро укол адреналина! Беги скорее за раствором! - закричал он отрывисто и не глядя мне в лицо, - Сестра здесь поможет, захвати и Панангин... Я бросился в кабинет, отыскал шприц с иглой на двенадцать и необходимые растворы и поспешил назад. Приступ – подумал я еще там у дверей. Я оказался прав, старика хватил удар. Его лицо скривилось в какую-то бледную противную массу, рот был раскрыт, а глаза стали закатываться вверх. Доктор Уоткинс принялся за массаж сердца. Я не раз наблюдал эту картину. Сюжет, по большей части, был предсказуем, но я все же с большим любопытством, как, впрочем, и все присутствующие в палате, наблюдал за его действиями. – Черт, поправьте его, - сердито гаркнул доктор. – Затем он взял шприц с раствором, чуть помедлил, наметив нужное место у края грудины (учитывая довольно широкую грудь индейца, это, должно быть, был сантиметр от края грудины, и, учитывая возраст – пятый межреберный промежуток) и всадил иглу. Он будто вновь исполнял свой долг перед родной больницей, в которой проработал уже долгих семнадцать лет. И надо отдать ему должное, так и не потерял веру в чудо. Больной вдруг

стал хрипеть, его руки чуть дернулись вперед, зрачки стали возвращаться на место. — Он не умер, нет, - подумал я даже с какой-то внезапной радостью. Вдруг случилось странное. Старик индеец, уже как будто, придя в себя окончательно, вцепился в плечо доктора Уоткинса и с диким обезображенным лицом захрипел что было мочи: - Он ту-у-у-т, он ту-у-т, он пришел за мно-ой! Пожалуйста, не отдав..., - тут его голос оборвался, и он стал опрокидываться назад, будто испуская дух. — Теперь уж умер, - подумал я, твердо решив про себя. Доктор Уоткинс все же не сдался. Он стал продолжать свой массаж сердца, и будучи уже спокойнее, усиленно стал толкать руками грудь больного, колыхавшегося на койке как старый матрац. К нашему общему удивлению, старик вдруг снова стал хрипеть, и, как и в прошлый раз, его взгляд стал яснее и он снова пришел в себя. В этот раз он схватил доктора так сильно, что я даже вздрогнул. Старик буквально вцепился в его воротник и в его плечо и с искренне умоляющим взглядом, полным ужаса, стал кричать: - Он тут! Помогите же, спрячьте меня! Он тут... Тут он резко отвел взгляд в сторону и будто увидев что-то вскричал таким криком, какого я никогда в своей жизни еще не слышал. Его лицо выражало такой дикий испуг, что было больше похоже на звериное. Я невольно дернулся и посмотрел в то место, куда был прикован взгляд старика, но никого не увидел, там была пустая койка. Я не знаю какое точно чувство овладело мной в ту самую минуту, но мне стало не по себе и я резко отошел в сторону от того места, все еще пытаюсь высмотреть что-нибудь. Старик вдруг завопил вновь: - Это он! Он пришел за мной! Спрячьте же меня скорее, спрячьте, прошу вас! Он смотрит, он смотрит на меня! Он... Он смеется! — Только в ту самую минуту я расслышал голоса доктора Уоткинса и его коллеги, твердившие старику, что там никого нет, и что это просто галлюцинация. Они тщетно пытались успокоить обезумевшего индейца, который в отчаянии продолжал кричать как сумасшедший. Наконец, я услышал что-то поразившее меня до самых глубин. Старик вдруг крикнул: Это Вендиго! Он пришел забрать меня в ад, он пришел за моей душой! Я вижу его, вижу его... тележку... В ней он повезет мою душу в ад! Он увезет меня в ад... Тут он в полном отчаянии откинулся назад, закатив глаза. Я думал, что он снова теряет сознание, но он продолжал теперь уже тихим охрипшим голосом причитать: - Мне нет спасения, нет спасения... Вендиго заберет меня в ад... Он заберет меня в ад ибо я служил ему... Я служил им, а не тому... Я служил аду! Нет мне спасения... - Последние слова он уже как бы бормотал еле слышно, резко и с шумом вздыхая и теряя сознание. Наконец, мы увидели его последний вздох. Я не знаю, как описать то, что случилось в ту минуту, но все же попробую. С ужасным мерзким

гарканьем вдруг рванула с дерева сидящая на нем все это время стоя ворон, словно услышав выстрел. Но выстрела не было, уже было почти тихо, не считая говоривших вполголоса докторов и отвернувшегося к стене, плачущего от страха бедного Эдди. Мы все повернулись, но никто не придал этому особого значения. Здесь я, конечно, говорю о стороне внешней. У меня же внутри творилось Бог знает что. Но самая последняя деталь этого происшествия уж точно потрясла всех без исключения, даже бывалого доктора Уоткинса. Это случилось так неожиданно, что мы так и остались стоять без движения каких-нибудь тридцать секунд! Рот больного вдруг как бы раскрылся, то есть скорее, челюсть его отпала вниз, и изо рта его вывалился длинный синий язык, почти достающий до его груди. Это было так омерзительно, что коллега доктора Уоткинса быстро отшатнулся назад и скорчил гримасу. Сестры в тот момент уже не было в палате. Мне кажется, если бы бедная Элис увидела эту завершающую ноту, она бы упала в обморок. Впрочем, ей хватило и конвульсий старика. Она целых три месяца не могла зайти в палату после увиденного. А ведь она тоже далеко не новичок в этой больнице и видала виды. Что до меня, я стоял в непонятном оцепенении, глядя на полусидящего мертвого индейца с вывалившимся огромным синим языком и леденящим застывшим в ужасе лицом с пустыми глазами, и не понимал, что же только что произошло.

Хочу отметить еще одну вещь. Возможно, кому-то (особенно из медперсонала) моя история покажется не достаточно потрясающей их ко всему привыкшее медицинское сознание или, и того хуже, выдумкой недоучки-санитара из забытой Богом больницы. Но здесь я осмелюсь сказать, что хотя я и был в ту пору в каком-то смысле новичком, еще не видевшим настоящих событий больничной жизни, а все-таки что-то да где-то уже испытал и был далеко не из робкого десятка. А, впрочем, и доказывать я ни кому ничего не обязан и не собираюсь.

Прошло вот уже двадцать шесть лет с того самого случая со старым шаманом. Я уже немного и забыл об этом, точнее я не так часто вспоминал эту историю и думал, что и вовсе не стану, как вдруг однажды вечером наткнулся на книжку на полке одного моего приятеля. Дело в том, что он любит собирать всякие мистические истории, особенно связанные с потусторонним миром. Теперь это вообще в моде. Но не в этом суть. Не знаю, как объяснить: то ли праздное любопытство, то ли промысел (теперь я и этого не исключаю), то ли что-то еще заставило меня взять с полки эту самую книжку. Книга была посвящена каким-то исследованиям загробной жизни, а точнее рассказам людей, вернувшихся с того света, если можно так выразиться. Написал ее какой-

то ученый доктор, годами собиравший рассказы людей о жизни после смерти, то есть что эти люди видели в момент самой смерти. Пролистав ее без особого интереса, я, было, сразу хотел отложить ее, но вдруг увидел знакомое название больницы, в которой работал двадцать шесть лет назад. Спина моя немного похолодела, и как сказал мне приятель, я резко побледнел. Я стал читать дальше. Не может быть! – подумал я тогда. В книге была напечатана та самая, то есть моя история о старике индейце. Я выпросил книгу у своего приятеля и быстро пошел домой. Вбежав в гостиную, я тут же упал в кресло и бросился читать, жадно поглощая каждое слово. Кто же это написал? – вертелось у меня в мыслях все назойливее. Наконец, я закончил этот отрывок. В самом конце последней страницы, отчетливо и гордо было написано следующее: Со слов очевидца, священника церкви Святого П-а города N штата Вирджиния, отца М. Уоткинса. В тот момент я уже знал, куда отправлюсь в ближайший уикенд.

Второй очевидец событий,
Тим Браун.

Людмила Рогочая

Марфа Давыдовна

Марфа Давыдовна.... Дальняя родственница, которая по молодости и знать нас не знала. Как же, главный бухгалтер обувной фабрики! Величавая сероглазая красавица, удачливая в работе и в личной жизни. Имея двоих детей от разных мужей, она не страдала от одиночества и в разведённом состоянии. Всегда вокруг неё вилась пара – тройка поклонников, желающих пофлиртовать с ней.

Властная и эгоистичная Марфа детей своих не баловала. Старший сын, ещё довоенный, не вынес гнёта матери и уехал в Сибирь, там и умер. Младшая дочь Лида – моя ровесница – тоже поспешила замуж, правда, подарив Марфе внуку, вскоре развелась. Но, слава Богу, получила при размене квартиры мужа, доставшейся ему по наследству жильё, и была счастлива исполнять дочерние обязанности на расстоянии.

Марфа Давыдовна любила себя. Ей нравилось менять наряды, выезжать с начальством на пикники, ездить с отчётами в Москву. Она была украшением любой компании: весёлая, певучая. За работой и гулянками Марфе некогда было подумать о будущем: об удобной квартире, мебели, постельном белье, посуде про запас. Ей казалось, что всё ещё впереди, а пока длится праздник жизни, надо радоваться каждому его дню. И она, как Попрыгунья-стрекоза, пела, радовалась. Но как всегда бывает в жизни: на смену одним красавицам приходят другие, более молодые и везучие. А у неё, глядь, появились морщины на лице, лишний вес и гипертония. И не брали её больше на шашлыки, а в спину дышала юная бухгалтерская поросль. Когда она проходила мимо молодёжи, в след летели смешки: – Наша старуха разрядилась, как на свидание. Всё молодится, а пора уж о душе подумать!

О душе, не о душе, но, подойдя к критическому возрасту, Марфа Давыдовна оказалась у разбитого корыта: в жалкой комнатёнке домика, имеющего удобства в крошечном дворике, огороженном низким штакетником. Дом был на два хозяина, и тётка Марфа владела его меньшей частью. Она всё собиралась улучшить свои жилищные условия, но так и не собралась. Единственное, что она сделала за годы жизни здесь, так то, что в коридорчик провела воду и поставила плиту на баллонном газе.

– На мой век хватит, – успокаивала себя тётка.

Только выйдя на пенсию, Марфа Давыдовна оценила блага, что она имела за свою зарплату и премии на работе. Приохотившись к

«Столичной водке» и сигаретам с тем же названием, она долго пыталась перейти на дешёвую продукцию. С водкой это получилось. А вот от дорогих сигарет не смогла отказаться. И тогда Марфа Давыдовна стала варить самогонку, сама её пила, продавала, а на вырученные деньги баловала себя дорогими сигаретами.

Сама тётка Марфа никому не помогала, но могла заставить неведомым образом каждого чего-нибудь её дать или сделать. И ей несли соседи, знакомые, Лидочкины подружки всё, что не попросит. А уж саму дочь замордовала на столько, что та вставала и ложилась с мыслью, как выполнить очередное задание матери. Однако трудненько ей было угодить.

Вечно недовольная она жаловалась соседям:

– Представляете, какая бесчувственная у меня Лидка? Я ради неё только и жила, молодость ей отдала, трудилась не покладая рук, чтоб её накормить, обуть, одеть, выучить... А теперь, что же получается? Мать ей не нужна! Второй день не приходит! Набрала белья для стирки – приносит не глаженое. Попросила испечь пирогов, она мне купила пирожков на улице, с лотка – они же без начинки. Убирается у меня – раз в неделю! Нет, я не заслужила такого отношения к себе.

Не выносила Марфа Давыдовна одиночества. Ей постоянно нужен был кто-то, чтобы являть ему свою власть. Попробовала взять квартирантку, но та не прожила с ней и трёх дней. Вот тогда-то тётка вспомнила о родне. Стала навещать нашу семью. Придёт Марфа, напомаженная, облитая духами, с крашеной смоляной косой, закрученной на затылке и увенчанной серо-буро-малиновым шиньоном:

– Да вот, шла мимо. Дай, думаю, зайду, проведаю, - а сама, подмигивая левым глазом, как будто тайну какую знает, выставит на стол бутылку. Что ж делать? Не выгонишь. Надо угощать!

Папа не пил водку и терпеть не мог пьющих женщин. А мама скажет:

– Ой, давление замучило! Я бы поддержала компанию, да здоровье не позволяет, - и тоже откажется. Поставит на стол, что есть: квашеную капусту, холодец там или сала нарежет. Так Марфа Давыдовна сама выпьет бутылку, закусит хорошо..... Вот и погуляла, правда, без песен.

Любила тётка и поучить жизни:

– Дура! Заглядываешь мужу в глаза. Ловишь желания? Несамостоятельная, ты, я скажу. Моя Лида послала своего, куда подальше, и теперь ни от кого не зависит.

Хотя к дочери она относилась очень взыскательно, но, наверное, по-своему любила. Главное для Марфы Давыдовны было исключить все

варианты для соперничества её Лидочки с подругами. Это подогревало её тщеславие.

Забегут молодые женщины проведать, предложить помощь, глядку перед двором полить или в магазин ей сбегать, скажет обязательно:

– Спасибо, Таня (Женя, Люба). А какая шея у тебя морщинистая. У моей Лиды – нежная, гладкая.

Иногда заметит:

– Или ты толще моей Лиды, или платье на тебе плохо сидит. Сними его, не позорься.

Может походя бросить:

– Что-то дети твои плохо растут? Смотри, какая у нас Галька выдула. А у тебя задохлики.

А ещё ей нравилось наказывать дочери и её подружкам, как её они должны похоронить:

– Чтобы и поп, и музыка. Платок не надевайте. Не хочу в гробу лежать, как бабка. Если уж в шляпке нельзя, повяжите косынку. И под бородой не завязывайте. Чтобы узла не было. На лоб бумажку не прилепливайте – весь вид испортит! Поминали, чтоб в столовой, здесь все не поместятся. За деньгами на работу мою обратитесь. Помнят ещё там Марфу Давыдовну, не могли забыть.

Так она старела и матерела, но держалась. И волосы заставит дочь ей вовремя покрасить, и ногти обработать, и платье новое сошьёт. Со временем правда Марфа Давыдовна внешне стала походить на «комическую старуху» из дешевой пьесы.

Наступило горбачёвское время. Грозный чернел. Уезжали русские, дома их занимали чеченцы. И вскоре на улице, где жила тётка Марфа, семей десять осталось русских. Только те, кому некуда было ехать или за чьи развалюхи ничего не давали. В числе последних оказалась и Марфа Давыдовна. Желающих на её комнатку не было. Ведь рядом за бесценков можно было купить кирпичный дом!

Дочка тётки, Лидочка, нового гражданского мужа нашла и накануне первой чеченской войны уехала на Север, пообещав, что скоро вернётся за ней.

Район, где жила Марфа Давыдовна, был тихий. До начала военных действий беспорядков в нём не наблюдалось. Вот только с продуктами было плохо. Магазиновые полки опустели. Иногда выбрасывали консервы с морской капустой да килькой в томатном соусе, и те моментально разбирали. Население тоже готовилось к войне!

Марфа Давыдовна, как и все, методично делала запасы. Выйдет на рынок к магазину, а там сидят чеченки в ряд, каждая со своим товаром.

Чеченцы уважительно относятся к старикам. Глядишь, кто кочан капусты даст или подпорченный арбуз, что-то останется после торговцев – кусок хлеба, разбитые яйца. Тётка Марфа всё подберёт: капусту и арбуз посолит, хлеб посушит и яйцам найдёт применение. Единственными её врагами были мыши, которые не проявляли уважения к её персоне, бессовестно воровали и портили тёткины запасы. По ночам ей приходилось спать очень чутко, чтобы при малейшем шорохе встать и отогнать кочергой непрошенных гостей.

А перед самой войной ей повезло. Еще пенсию тогда давали. Купила она у частника мешок сахара, на самогон. Но как русские разъехались, клиенты пропали – чеченцы, в основном, не пьют, аллах не велит. А если кто и пьёт, то дорогой коньяк. Про то ничего в Коране не сказано. И сахар стал её НЗ и неразменной валютой. В этом мешке, как она считала, вся её жизнь.

Зимой 2004 года в её домик попала бомба. Начался пожар. Когда Марфа Давыдовна выскочила от соседей, к которым зашла, чтобы «позычить» сигарет (она всегда зычила, даже если они у неё и были), руины её жилища полыхали пламенем. Но мешок, который стоял в коридоре, не пострадал. Его, да ещё чуть подгоревший ковёр вынести она успела. В дворике с незапамятных времён стояла тачка на одном колёсике. Тётка-погорелица подтянула к ней мешок, с горем пополам и соседским мальчиком взгромоздила его на тачку, сверху прикрыла ковром и поехала вдоль улицы, выбирая место жительства. Она была уверена, что с мешком-то сахара её каждый примет! Её пожалели старики Хорошиловы. Хоть и не любили они гордую Марфу, а пожалели её в беде. Но она-то думала, что из-за сахара Хорошиловы согласились приютить её.

С тех пор она каждый вечер с дедом Хорошиловым «отдыхала» – пила дедову самогонку, курила дедов табак. Так она прожила месяца три, наверное. И весна уж пришла.

Хорошилиха была непьющая, и так устала она ухаживать за пьяницами, еду им добывать, что стала ворчать на Марфу, прогонять её из дому.

Как-то в их районе федералы проводили военную операцию, и случайным осколком снаряда Хорошилиха была убита. Закопали её Марфа с дедом в огороде. Сели поминать. Недельку поминали. Проснулась как-то квартирантка, а дед не шевелился. Испугалась, что обвинят её в его смерти – да мешок сахара отберут. Собрала манатки, мешок и ковёр, взвалила на тачку и по улице покатила. Да только недалеко. Боялась она далеко от дома оседать: вдруг дочка за ней приедет и не найдёт. А какая

дочка? Письма, телеграммы не доходили, пенсий не платили, люди с опасностью для жизни убегали из Грозного....

Приняла на этот раз её бабка Кузьминична. Старше Марфы на двенадцать лет, непьющая. Поэтому Марфин мешок её не заманил.

– Живи, - говорит Кузьминична, - в спаленке. Ты не помешаешь мне.

Но Марфе не понравилось у бабки. Всё её там раздражало. Особенно бесконечные молитвы, которые Кузьминична возносила Богу. И главная печаль с утра у Марфы: где добыть курево и с кем бы выпить «на халяву».

А на последнее у неё было прямо-таки дьявольское чутьё. Сидят старики где-то в гараже или в баньке, цедят драгоценную влагу – Марфа тут как тут. И давай им по судьбу свою рассказывать. Так изливается, мёртвый и тот прослезится! Умела она на жалость давить. Так деды начинают её успокаивать:

– На, Марфуша, выпей, полегчает!

А та и рада стараться.

Или где поминки Так на другой конец города пойдёт, креститься будет и подпевать старухам. А как начнут разливать вино, спирт или самогон, первая называется. Хотя товарки шипят на неё:

– Грех с молитвой водку пить, - Марфа наклюкается. Домой явится и начинает учить Кузьминичну жизни. Старуха, однако, оказалась с характером и выгнала тётку из дому.

И вот опять она бредёт с тачкой по улице. А русских уже и не осталось.

Подобрали Марфу Давыдовну чеченцы. Пожалели: все вокруг знали, что «бабушка дочку ждёт». Поселили в летней кухне. Из её окон было видно родное пепелище, и Марфа могла часами наблюдать, кто идет мимо.

- Так что дочку не прозевааете, - успокаивала её новая хозяйка Медина.

Тётка Марфа прежде всего велела подросткам втащить в помещение свой мешок как гарантию права на жилище. Разумеется, её взяли не из корыстных побуждений, а просто, уважив старость. Марфе исполнилось уже семьдесят девять лет.

Каждый день Медина приносила ей еду, всё то, что ели сами. На охоту за сигарками тётка, кряхтя и постанывая, выходила за калитку: из жалости или в шутку ей подавали сигареты. И Марфа Давыдовна, довольная, присаживалась на лавочку около двора и блаженно затягивалась. А вот выпить не было никакой возможности. Хозяин сам не пил и не позволял этого делать в доме. Медина сразу предупредила:

– Если Хасан увидит, выгонит.

Даже на восьмидесятилетие Марфа не выпила, хотя намекала Медине. Та её поздравила с юбилеем и принесла, как положено старухам, мягких пряничков. На что Марфа заметила:

– Сухая ложка рот дерёт.

Свой мешок Марфа Давыдовна не трогала. Она думала: «Пока есть у меня сахар, есть и кров. С этим мешком я дождусь Лидочку». В доме видели её маленькие хитрости и относились к ним снисходительно.

Всю войну прожила Марфа Давыдовна в этой семье в ожидании дочери.

Но она так и не приехала. Почувствовав скорую смерть, старуха попросила Медину похоронить её по-человечески.

– Как по-человечески? Батюшку звать? Это мы не можем. У нас свой мулла есть! Мы не знаем, как тебя хоронить. Если хочешь, прими ислам, и мы похороним тебя со всеми почестями.

Марфа согласилась. Толи почестей захотелось, толи выбора не было. Перед смертью она попросила у Медины стакан водки. Осушив стакан до дна, она деревенеющим языком, прошептала:

– Ну, теперь принимайте меня в свою магометанскую веру.

Её завернули в ковёр и похоронили на мусульманском кладбище. Правда, мешок опускать в могилу, как она просила, не стали, раздали людям сахар на поминаенье.

Андрей Смолюк

Японское чудо

«Очкишка к старости, как известно, глаза слабыми стала» - это я думаю всем известно, все, думаю, это понимают. Ну, а что дальше эта «очкишка» с очками делала, тоже ни для кого не секрет.

Но я не «очкишка», я «хомо сцапиенс», а посему знаю, куда «морты» одевать и девать нужно. А мне их стало необходимо, поскольку мне уже пятьдесят и мало кто в этом возрасте очками не пользуется. Может быть, даже и к сожалению.

Ну, суть да дело, а к главному врачу идти надо, чтобы он мне очки подобрал и рецепт на них выписал. Я предварительно у друзей-знакомых всё выяснил про врача, что, как и почему, и узнал, что в кабинете у окулиста сейчас стоит машина японская с компьютером, и она не только автоматически зрение проверяет, но и сразу же очки из своего нутра «выплёвывает». Надо только предварительно в неё оправу, которая тебе пришлось по нраву, загрузить.

Я, конечно, сразу удивился, дескать, во японцы дают, нам до их «японского чуда» очень даже далеко, и сразу захотел с очками дело в дальний угол не откладывать. Интересно ведь посмотреть, как чудо-машина мне очки подбирать будет.

И пошёл я к окулисту. Как полагается, талон заказал (в пять часов утра пришлось в поликлинику за ним бежать, иначе не достанешь), два часа в очереди, несмотря на талон, высидел (все жаждут на японское чудо посмотреть) и вот захожу в кабинет.

Сидит доктор, мужчина приятной наружности, и девушка-медсестра очень даже симпатичная. Я это даже без очков разглядел (все мы мужики такие, если девушек видим и очки даже здесь ни к чему).

А доктор меня и спрашивает:

-Слушаю вас, молодой человек, что стряслось?

Я тут, конечно, удивился, ведь я у же давно не «молодой человек», и в голове у меня мысль мелькнула, что похоже доктору тоже надо очки подбирать. А вслух я сказал:

-Вот, «очкишка» к старости «глаза слабыми» стала, а посему мне очки нужны для чтения и писания.

-Очень даже хорошо, - заметил доктор, хотя, если честно, то ничего хорошего особо тут нет. – У нас вот новая супермашина японская, которая всё вам сделает, надо только оправу подобрать, эту оправу потом в

машину вставить, заплатить полторы тысячи рублей и читайте и пишите, сколько вам заблагорассудится.

Я в голове прикинул, что дороговато, поскольку оправа ещё рублей пятьсот стоит, но больно уж мне хотелось на «японское чудо» посмотреть современного прогресса, так сказать в действии.

-Ладно, - отвечаю я доктору, - согласен. Раз супермашина, то вопросов и возражений у меня нет. Даже интересно!

На эти мои слова девушка-медсестра улыбнулась, очень приятной улыбкой и опять я эту улыбку даже без очков увидел (все мы мужики такие).

-Только прежде чем вас за машину садить, – продолжил доктор, - вам надо в глаза специальный японский препарат (тут последовало чисто японское название, как я понял, какого-то медикамента) закапать. Садитесь в кресло, вот медсестра вам это сделает. Да не забудьте ещё оправу себе выбрать вот там на стенде!

Я повернулся на сто восемьдесят градусов и увидел большой стеллаж с оправами. Выбрать себе оправу по суперистей мне особого труда не составляло. Правда цена у неё была, прямо скажем, впечатляющая, суперистая, но я подумал, что очки выбираю не на один день, а поэтому и ладно с этими деньгами.

После этого девушка-медсестра мне сказала:

-Садитесь в кресло, я вам в глаза препарат специальный, японский закапаю! Без него «японское чудо» работать не может!

Тут опять последовало длинное, японское название препарата. Я не буду это название приводить, так как, во-первых, повторить я его не могу, слишком мудрёное, а во-вторых, по-русски это название звучало очень даже и неприлично (что-то вроде, «Анука ссука», только позабористей!). Я же, вроде, человек культурный, со всеми отсюда вытекающими выводами и наш «великий и могучий» засорять всякими словами и не очень люблю.

Так что сел я в кресло и девушка-медсестра мне в глаза чего-то накапала. Я боялся, что чего-нибудь неприятное буду ощущать, но с глазами ничего не случилось. А доктор мне и говорит:

-Идите, посидите в коридорчике, пока препарат действовать начнёт. Мы вас вызовем.

Я энергично встал с кресла и направился к двери. До двери-то я дошёл и даже за ручку дверную взялся, да тут с глазами моими чего-то случилось. Всё у меня перед глазами поплыло и туманом, каким-то заволгло. Дверь-то я ещё открыл и даже в коридор вышел, а дальше полностью ориентацию потерял. Стою и не знаю, куда мне идти. Вроде

диванчик прямо был, а вроде и непрямо. В общем, начал я по коридору поликлиники шараться из стороны в сторону в поисках этого диванчика, который перед кабинетом окулиста был. Минут семь я шатался по этажам поликлиники, а потом чувствую, кто-то меня за локоть берёт и говорит:

-Похоже, милоч, не в себе ты! Давай я тебе помогу, тем более, что диванчик он тут рядом, ты мимо него уже раз пять прошарахался!

По голосу я понял, что помочь мне какая-то бабулька сердобольная решила. Может, конечно, и не бабулька, я её не видел, но мне было всё равно, и любую помощь я с благодарностью ожидал. Народ-то у нас добрый и отзывчивый, а поэтому помощи я особо и не удивился.

Посадила меня, значит, бабулька на диванчик, рядом села, да и спрашивает:

-И что же этакое с тобой, милоч, случилось?

А я, конечно, ошарашенный всем, что со мной случилось, так и сказал:

-Да, вот, «Анука ...»!!!

-А! – услышал я в ответ. – Тогда всё понятно. У меня с этой «Анукой...» неделю назад то же самое было! Даже грохнулась здесь в коридоре, о кого-то споткнувшись. Так что, милоч, не расстраивайся, это пройдёт.

Я маленько успокоился в душе, так как понял, что не я первый и не я последний, а посему спросил:

-Ну, и как?

-А никак, - услышал в ответ. – Мне эта японская машина, какие-то очки выдала с узкоглазым уклоном, а посему в них я, милоч, ничего не вижу. Пришла, вот, к доктору, просить, чтоб он мне очки подобрал по нашему, по-русски, вручную. Так оно надежнее будет и верней!

Меня эти слова, если честно, расстроили. Вот гадость какую-то «Анука...» залили, а в результате и у меня очки могут получиться узкоглазые. Однако на слова бабульки я отреагировать не успел, так как из кабинета доктора вышла девушка-медсестра и вызвала меня в кабинет. Девушки я самой-то не видел, тут даже мужская натура бесполезной оказалась, но по-голосу определил, что это она.

Встать-то с диванчика я встал, а куда идти дальше и не знаю, так как всё передо мной было по-прежнему как в тумане.

-Вы ему помогите, - услышал я голос бабульки, - а то у него ваша «Анука...» в глазах!

Чувствую, девушка-медсестра меня под локоть берёт и в кабинет ведёт. А мне от этого приятно стало. «Анука...» «Анукой...», а девушка –

это всё же прекрасно и замечательно (такова уж мужская сущность, как я уже неоднократно заявлял).

Одним словом, опять меня девушка-медсестра перед «японским чудом» посадила, как надо головку повернула, поскольку куда и смотреть-то я совершенно не представлял. А доктор-окулист и говорит:

-Сидите спокойно, смотрите в окошко прибора. Сейчас мы вот сюда положим вашу оправу, нажмём кнопку, и через пять минут очки будут вам готовы.

Куда мне смотреть было не очень понятно, но я постарался не вертеть головой. Слышу, «японское чудо» как-то подозрительно заурчало и забулькало.

-Это, наверное, речь такая японская, – подумал я. – Японцы, как известно, народ вежливый. Наверно оно, это чудо, меня благодарит за то, что вот я, Иванушка-дурачок русский, ему, этому чуду, доверился.

«Чудо» урчало и булькало минут пять, наконец, в нём что-то щелкнуло, и внятный японский голос с нижегородским акцентом произнёс:

-Накуси-выкуси, спасибо, сан!

-Всё, - услышал я голос доктора. – Вот вам очки, носите на здоровье!!!

Тут я почувствовал, что девушка-медсестра сунула мне что-то в руки. Мне ничего не оставалось делать, как сказать «Спасибо» и направиться к двери, которая, как понятно, находилась где-то там впереди. Но девушка-медсестра мне помогла и довела до двери.

-Как же я пойду по улице? – мелькнул такой вопрос у меня в голове.

-А вы на диванчике, - вновь услышал я голос доктора, - минут двадцать посидите, вам полегчает!

В коридоре мне опять пришла на помощь сердобольная бабулька, так что до диванчика я добрался более-менее нормально.

Через двадцать минут мне действительно полегчало. Я начал видеть перед своими глазами какие-то смутные контуры людей и поликлинического коридора. Так что я решил, что можно осторожненько начинать делать попытки добраться до дома. Хорошо, что было ещё тепло, несмотря на октябрь месяц, и гардеробом можно было не пользоваться. С третьей попытки я обнаружил дверь, которая вела из поликлиники на улицу, и вывалился на свежий воздух.

Свежий воздух меня ещё маленько приободрил, так что контуры окружающего мира перед моим взглядом стали чётче. Автобуса я ждать не стал, когда он придёт, мне было неизвестно, а поэтому мелкими шашками засеменял до дома.

Столкновений с прохожими я избежал, даже как-то неожиданно для себя. Правда, пару раз залез в лужу по щиколотку, поскольку луж этих не видел. А посему домой я пришёл весь вымазанный в грязи, но это мелочи, так я решил, раз до дома всё-таки добрался, то это уже хорошо!!!

Жену своим видом я, конечно, привёл в изумление.

-Что с тобой? – поинтересовалась она.

Я ответил ей, что вот «Анука...», объяснил ей, что это такое, а в ответ услышал:

-Ничего себе!!!

Сами понимаете, так как ни читать, ни писать, ни телевизор смотреть я не мог, то мне ничего не оставалось делать, как завалиться спать, что я и сделал.

Утром, когда я проснулся, то к своему великому облегчению понял, что зрение ко мне вернулось! Однако, как только я вскочил с кровати, то сразу побежал к зеркалу смотреть, не стали ли мои глаза узкими, как у ста японцев вместе взятых. Глаза оказались нормальными, обычными, кругленькими, только маленько красными. Это меня очень даже успокоило, и я подумал, что надо скорее надеть очки и посмотреть, как я в них вижу.

А в них я, как оказалось, не видел ни черта. Перед глазами всё двоилось и искрилось. Я попробовал почитать, не получается, я попробовал пописать, не получается, я попробовал посмотреть телевизор, но увидел в нём только размытые контуры, которые я прекрасно видел и без очков. И это, надо сказать, ввело меня в удручающее состояние. Вот тебе и «японское чудо», вот тебе и «Анука...», вот тебе и мои шараханья из стороны в сторону!

-И что же ты теперь собираешься делать? – спросила меня жена после того, как я всё ей объяснил. – Да ещё деньги такие бешенные заплатил!

-Придётся снова идти к доктору, выяснять что к чему, – ответил я на это и, не откладывая всё в долгий ящик, собрался и пошёл, решив, что пролезу без талона (по крайней мере, это надо попытаться сделать).

К доктору без талона я проник, правда, после трёх часов ожиданий, но что не сделаешь ради собственного зрения. А доктор на меня посмотрел, посмотрела на меня и симпатичная девушка-медсестра (думая, что уже не надо объяснять, что улыбку медсестры я и без очков увидел), и в результате они в один голос мне заявили:

-«Японское чудо» сделало всё правильно, на то оно и «чудо». Просто вашим глазам надо время, чтоб к очкам привыкнуть, а посему

идите домой, привыкайте к очкам и в следующий раз, уж, пожалуйста (во как вежливо!), без талона к нам не приходите!!!

Мне ничего не оставалось делать, как отправиться домой, поскольку, как я подумал, что может и действительно моим глазам надо к очкам привыкнуть.

Привыкал я месяц, но так и не привык. Ни читать, ни писать, ни делать ничего другого я в этих очках так не мог. Всё двоилось и искрилось. В результате через месяц, взяв талон, я опять предстал перед глазами столь полюбившегося мне доктора и его симпатичной девушки-медсестры.

-Да, - откровенно мне сказал доктор, и это было даже как-то странно для меня, - всё дело в том, что одну деталь к своему «чуду» японские товарищи нам поставить забыли. А может просто эту деталь где-нибудь в районе Владивостока какой-нибудь садовод-любитель из поезда «свистнул», согласно нашим российским понятиям, и где-нибудь в саду своём нашёл ей применение.

-И что теперь? – спросил на это я.

-А ничего, - ответил доктор, - сейчас подберём вам очки, так сказать по-нашему, по-русски, врукопашную.

-А как же полторы тысячи? – опять спросил я.

-А никак, - ответил доктор, - нет уже ваших полторы тысячи и вернуть их вам вряд ли кто сможет! «Чудо японское» оно жертв требует!

Это было, конечно, для меня прискорбно, но по тону голоса доктора я действительно понял, что «плакали» мои денежки.

-Ну, и чёрт с ними, - подумал я, хотя знал, что за это дома от жены получу нагоняй.

В общем, очки мне подобрали, причём хорошо. Я сходил в очковую аптеку, мне их там сделали, опять же по-старинке врукопашную, и через три недели я читал, писал и смотрел телевизор в своё удовольствие, не смотря на ворчания жены по поводу полутора тысяч. Но я твердил про себя, что «чудо» жертв требует, как говорил мне доктор, а посему, ну, и ладно.

Так что вот, дорогие читатели, «чудо» оно, конечно, «чудом», хоть и с «Анукой...», хоть и со «спасибо сан», а своё, российское, зачастую ругаем мы за зря! Пусть оно, наше российское, и по-старинке, и помедленней, зато надёжней. Так что как я относился ко всем этим «Сони» и «Панасоникам» с недоверием, так и относиться буду. Пусть скажут мне, что это немодно, что я от жизни отстал и, вообще, старым стал. Но нравится мне наше российское, родное и ничего с этим я поделать не могу!!!

Вадим Мальцев**(г. Таруса)*****Двое с коньяком***

К празднованию Нового года в интернате всё было готово. Разноцветные гирлянды и прочие «кренделя» гроздьями свисали с перекладин и карнизов, бумажные снежинки облепили все окна, а постояльцы облачились в свои лучшие наряды и устремились к дверям актового зала, где их ожидало представление.

Правда, в зал пока никого не пускали: шли последние приготовления, и худенькая режиссёр проверяла знания текста у ведьм, кикимор и прочих сказочных героев, в которых она превратила сотрудников.

Жильцы робко высовывались из-за дверей, так как многим хотелось занять места поближе к ярко наряженной, пахнущей хвоей ёлке, а заодно понаблюдать, как доморощенные артисты маются перед выходом на сцену.

- Бабушки, потерпите! – успокаивали стариков воспитатели. – Скоро начнём!

- Да мы только одним глазком, - оправдывались бабули, и всё равно пытались просочиться через преграду.

- Таня! – неожиданно окликнула режиссёра одна из воспитательниц, – «Двое из ларца» выбыли, не хотят выступать!

- С ума сошли, что ли? – всполошилась Татьяна, - Что делать теперь будем?

- Да назначь кого-нибудь! Вон, Дед Мороз подойдёт, – он самый толстый, как раз сгодится на роль детины, тем более что выход у него в самом конце. А ещё возьми царевну Будур – она тоже пышных форм, вот тебе и парочка в ларец.

- Вы что, совсем!? - взвизгнул дед Мороз после «назначения», – у меня роль ответственная и...

- Заткнись и слушай, - перебила его режиссёр. – Роль маленькая, даже слова учить не надо. Оба говорите только «Ага!» когда вас спросят, и действуйте согласно обстановке. И вот ещё что. Держите бутылку – это коньяк. По сценарию вам придётся трижды на сцене выпивать и закусывать в ответ на вопросы принца. Только учти: коньяк мы припасли на вечеринку! Изображайте, как будто пьёте, но открывать не смей! Держи стаканчики. Всё поняли?

- Ага! - дружно рявкнули дед Мороз и молчаливая скромница Будур.

Наконец, двери открылись, и толпа зрителей хлынула в зал. Первый ряд традиционно заняли почётные гости, по бокам скромно рассредоточилось руководство учреждения, остальные места достались постояльцам.

Праздник начался! Сказочные персонажи мелькали один за другим, зло, как и положено, устроило пакость, похитив Будур, бабуся шлёпали в ладоши, а главный герой - несчастный страдалец-принц ринулся в тридцатое царство, чтобы отбить у злыдней свою любовь.

- Эй, «Двое из ларца», ваш выход! - шикнула режиссёр на парочку, - хватит копать!

«Двое» надели шутовские колпаки и, прячась, потащили на подмостки большую коробку, силами местного оформителя превращённую в сундук. Примерно на середине сцены волшебный ларец прекратил движение.

- Двое из ларца, вы где? – бойко рявкнул принц.

- Мы здесь! – парочка выскочила из коробки и уставилась на героя.

- Проголодался я, и выпить хочу по случаю Нового года! - скомандовал принц.

- Ага! – рявкнули «двое», тут же вытащив коньяк и тарелку с закуской.

Не обращая внимания на страдальца, первый ловко вскрыл сосуд, мгновенно разлил по стаканам и предложил своему собрату.

- Ты зачем коньяк открыл, алкаш, тебе что сказали? – процедил сквозь зубы второй.

- Забыл! Теперь поздно - спалились! Пей уже, как - будто так и задумано.

Содержимое стаканчиков наполнило организмы парочки приятным теплом и негой. Крякнув от удовольствия, детины принялись уплетать совсем не бутафорскую закуску, с опаской поглядывая на кулак воспитателя, высунувшийся из-за кулис.

После второго стакана, «двое» осмелели настолько, что налили себе ещё по полной и, не обращая внимания ни на знаки режиссёра, ни даже на выпученные глаза высоких гостей, опрокинули содержимое внутрь. Довольные, они уставились на принца, как бы ожидая очередного приказа.

Роль была сыграна. Заметив отчаянные жесты режиссёра, парочка молча потащила ларец за кулисы, не удосужившись даже спрятаться за коробку.

- Что будем делать? – спросил первый детина второго, когда навстречу им выглянули «ограбленные» коллеги. – Мы «уговорили» всю праздничную заначку. Нам этого никогда не простят!

- Что будет потом – разберёмся, - успокоил второй. – Теперь нам пора перевоплощаться. Снимай свой колпак и надевай шапку Деда Мороза, а я пойду костюм Будур примерять. Получать по физиономии за растрату коньяка будем позже, а сейчас – наш выход! 2020г.
Кузьмищев - Таруса

Час расплаты

- Дорогой, купи!

- Лена, ну зачем тебе эти сапожки, и так дома пятнадцать пар лежат, пылятся. - Ну и что? У людей по двадцать! Хочу эти. Хочу, хочу!

- Мало ли что ты хочешь! Нам ещё кредит выплачивать – второй год за холодильник никак не рассчитаемся.

- Рассчитаемся – не в первый раз! Ну купи-и-и-и, Коля. Купи! Купи! Вот Степан своей Ольке недавно...

- А, чтоб тебе с твоим Степаном! Пошли.

В магазине выяснилось, что всё, что могли себе позволить Коля с Леной – это тапочки, да и то без задников.

- Ну что ты за мужик!? - расстроилась Лена, - зарабатываешь мало – даже на самое необходимое не хватает. Вот другие, если понадобятся деньги, идут и занимают, или берут кредит. А ты?

- Конечно, шестнадцатая пара сапог – самое необходимое, - разозлился Коля. - Ты что, сороконожка? Или забыла, что мы всем должны? Не дадут.

- Не дадут одни – дадут другие. Есть мгновенные кредиты.

- Так это же мошенники!

- Ну и что? Где ты сейчас видел честных людей? Если надо – пойдёшь и к жуликам. Вот Степан...

Дверь в офис отворилась и впустила Николая – очередная жертва яркой рекламы попала на удочку. За столом сидела молодая смазливая прелестница и глазела на Николая светлым невинным взглядом, обаятельно скаля зубы в лучезарной улыбке.

- Здравствуйте, - раздался нежный голос, - Вы решили воспользоваться услугами нашей фирмы «Дам на час»?

- На фиг мне сдались ваши фирмы, - начал Николай, - жене приспичило срочно взять сапоги, а зарплата будет только завтра.

- Понимаю, - сочувственно пролепетала девица, - тогда Вы пришли по адресу. Мы предлагаем уникальную возможность – деньги получаете сразу, покупаете товар, а долг отдаёте потом. И всё это за какие-то двадцать процентов! Учтите, первые десять минут мы ничего не начисляем – льготный период!

- Ну, не знаю, - замялся Николай, - а вдруг подвох какой?

- Все действия прописаны в договоре, ознакомьтесь, - улыбнулась красавица и протянула ему кипу бумаг.

- Это что? – удивился Николай, глядя на толстую пачку.

- Это ваш договор. Мы фирма солидная, прописываем всё! Подпись ставить вот здесь, где галочка. И заметьте, на нас ещё никто не жаловался! Будете читать или сразу подпишите?

- Да ну вас, читать эту лабуду, - махнул рукой Николай, - и поставил возле галочки свою размашистую подпись.

- Взял? – обрадовалась Лена, увидев выходящего из офиса мужа.

- Да, взял, взял! Двадцать тысяч. Вляпались!

- Дурак! Все нормальные люди так делают. Пошли скорей!

Новая обувь была безупречна. Николай не без удовольствия подметил, что сапоги эффектно скрывают не только естественную кривизну, но и густую поросль, обильно покрывающую ноги супруги в период между эпиляциями.

«Может и не зря деньги потратил, - подумал он, глядя на вытянутую ногу жены, - ведь не зря говорят, что красота требует жертв».

- Дорогой, ты у меня молодец! – довольная Лена обняла Николая за шею и стиснула так, что раздался хруст. – А когда выплатим этот кредит, мы...

- Как бы ни вышло что, - перебил её Николай, - уж слишком легко получилось.

- Да ладно тебе! Вот у моей подружки...

Внезапно завопил мобильник. Николай взял телефон и прислушался. Грубый прокуренный голос сразу перешёл к делу:

- Слышь ты, олень, когда долг отдашь?

- Какой долг? – мы кредит взяли только три часа назад!

- Правильно, - согласился голос, - уже полтора часа, как наступило время расплаты. В договоре прописано – за просрочку начисляется процент. Так что гони пятьдесят тысяч и можешь быть свободен.

- Какие пятьдесят!? Я брал двадцать! Здесь какая-то ошибка!

- Никакой ошибки нет, - раздражённо ответил голос, - набежали проценты. В общем, вечером чтобы отдал. Завтра будет намного больше, а не отдашь – будешь иметь дело с нами!

Вслушав, что с ним произойдёт, если он «будет иметь дело с ними», Николай почувствовал, как весело стучат его зубы, а волосы шевелятся по всему телу, включая пятки.

Быстро собравшись и назвав жену «дурой», Николай ринулся в офис, прихватив с собой договор.

- Здравствуйте, - заманчиво пропел всё тот же ангельский голосок, - Вы опять к нам?

- Да, к вам! – раздражённо бросил Николай, - мне только что звонили, требуют немедленно расплатиться!

- Всё правильно, - серьёзно ответила красотка, - наша фирма «Дам на час» специализируется на скорых кредитах и, заключив с нами договор, потребитель соглашается со всеми его условиями. Кстати, а Вы его читали?

- Просмотрел бегло, - буркнул Николай.

- Так и знала. А там, чёрным по белому прописано, что первая выплата – через час тридцать. У Вас набежали проценты! Кроме того, за просрочку – штраф: первая минута – один процент, дальше - с удвоением последней суммы каждую минуту. Кроме того...

- А не жирно ли вам будет! - разъярился Николай, - я брал двадцать тысяч, а через три часа их стало пятьдесят.

- Вы сами согласились с нашими условиями, а если не хотите их соблюдать, мы Вам сейчас растолкуем подробнее! Эй, Сильвестр! – заверещала красотка, - помоги господину заёмщику вникнуть в суть нашего договора!

В дверях появилась огромная фигура охранника и молча направилась в сторону Николая...

Всю следующую неделю Николай и Лена возвращали долг фирме. Были опустошены все заначки, продана мебель, холодильник, за который ещё не был выплачен кредит, и даже новые сапоги жены. Супруги влезли в долги, но выплатили сумму в триста тысяч, если считать с набежавшими процентами.

Рассчитавшись, они вернулись домой – начинать новую жизнь сначала.

С тех пор, подобные организации они обходили стороной. В самом деле, что лучше – собрать нужную сумму и купить вещь завтра, или взять деньги в сомнительной фирме сегодня, а потом отдавать в десять раз больше, доплатив за «обслуживание и проценты?» Думайте сами.

2018г. Кузьмищево -Таруса

Татьяна Воронова

Нас двое

Позволь представиться...

Впрочем, лучше я не буду этого делать. Не потому, что так невежлив, чтобы заставляя тебя тратить время на общение с незнакомцем... но если бы с тобой случилось то же, что и со мной, – ты бы сам себе этого не позволил.

Да и кто из нас станет твоим знакомым? Нас двое, **меня** двое; но с одним ты просто не захочешь разговаривать – он любому, даже себе гадок, – а второй почти умер во мне: еще немного, и его совсем не станет. Самое страшное – задавленный своей новой, отвратительной сущностью, я все же иногда вспоминаю, что был когда-то иным...

Лютость, лютость моя, чадаящая перегаром старости и поедающая меня моим же собственным ядом! Я весь зарос шерстью, грубой, коричневой шерстью, – но она уже начинает выпадать, обнажая задубелую шершавую кожу, покрытую желтоватой чешуей, как коростой. Мне холодно; я прикрыл бы себя перепончатыми крыльями в бородавках, они широки – но уже не осталось сил поднять их. Скоро – о, унижение! – их насквозь изгрызут мыши и примутся потом за мой длинный голый хвост, совсем не признав в нем почти такой же, как и у них самих! Только, пожалуй, побольше... Клыки, торчащие их пасти, почернели и гниют, боль сверлит (почему-то всегда по ночам) почти без перерыва. Иной раз я от нее готов землю насквозь пробуравить – а вместо этого только лежу и царапаю... да какое там царапаю, просто провожу по земле когтями время от времени: они ведь тоже слабеют...

Ты не хочешь смотреть на меня? Страшно, да? Мерзко? Понимаю... А ведь было время, когда я ничем от тебя не отличался. Больше того – ты бы мне мог позавидовать.

Да и кто бы не захотел быть похожим на меня, хотя бы немного, – когда не знали надежнее и искуснее меня воина во всем Можжевелевом Краю? Так, кажется, назывались наши места... Болотистый северный край, боками выходящий к морю. У самой его кромки – огромными серыми бородавками в воду впадают скалы – у одной из них я сейчас залег...

Я был когда-то человеком. Как и все, имел жену... Красивую, подумаешь ты? Да пожалуй, редкой красавицей она не была; вот только глаза у жены были точно особенные: чистые, черные, ясные, как вода в колодце, когда посмотришь туда ночью... и дна им не видно.

Отца я лишился в ранней молодости, когда только-только научился сносно владеть оружием; но мать жила со мной все время. Здоровье я унаследовал от нее, а ростом и статью – пошел в отца. Мать часто говорила мне об этом, а жена – я взял ее совсем молодой – придумала себе такую забаву: заставляла меня, когда мы сидели вечером дома, поворачиваться к свету и говорила при этом, будто ободок зрачка у меня чуть-чуть серебрится. Не знаю, правдой ли это было – так утверждала моя жена, а женщинам, особенно влюбленным, трудно в чем-либо верить.

К тому же *теперь* мои глаза уж точно не будут серебриться... Светлое, серое, зеленое – все осталось вокруг меня: небо, скалы, море, гладкая галька, рыба, промелькнувшая в воде... Все, – но только не мои глаза! Они жадно раскрываются тому, что видят: светлое, серое, зеленое плещется и блестит перед ними, дрожит и движется, и тихо течет одно в другое, словно заполняя до самых век мои глаза... но они по-прежнему остаются тускло-черными, будто провалы двух прогоревших угольных ям...

Я был когда-то человеком. Без меня не обходился ни военный поход, ни праздник. Даже мои соперники – было видно по их лицам, что и они испытывали тайную гордость за меня, когда я побеждал на состязаниях... И хотя обо мне не сочиняли песен – поэтов у нас было мало, – а каждая вторая женщина не мечтала обо мне день и ночь, – все в Можжевелевом Краю знали: если нагрянет опасность, – им бояться нечего. Знал и я.

Это меня и погубило.

Прошло два года с тех пор, как я женился, – когда в Краю Можжевельников случилась беда. У северо-западной оконечности – как раз там, где я сейчас обитаю – завелось чудовище.

Никто не знал, откуда оно появилось и каким путем – воздухом или морем. Никто не знал, как оно в действительности звалось. Но два слова – «м о х н а т ы й д р а к о н» – поползли по селениям, и любой от этих слов приходил в ужас, даже если сам стоил дюжины умелых воинов. Люди начали пропадать один за другим. За короткое время наши края охватило страшное, душасщее смятение: только об одном все могли – и все боялись говорить.

Над Краем Можжевельников, как облако болотных паров, стоял зловещий шепот. Какие-то слухи доходили и до нас. Это был явно не обычный дракон – к ним-то мы привыкли: они тут все время туда-сюда носятся, и у большинства пока ума хватает, чтобы не полыхать огнем везде, где только в голову взбредет. Любого малыш из наших мест, если увидит дракона, испугается его не больше обыкновенной вороны.

Вообще существа они умные и по-своему дружелюбные; а уж о драконах-людоедах никогда в наших краях и не слышали.

Тем более все были напуганы, когда появился он. Хотя ни один из моих земляков не мог в точности описать это чудище: тот, кто пока оставался цел, меньше всего хотел с ним повстречаться; ну а те, кто видели его вблизи, – понятное дело, мало что уже могли рассказать. Поговаривали, однако, что с виду этот пришелец был похож на крысу невиданных размеров, но тело у него было вытянуто, как у настоящего дракона, а по бокам гремели широкие жесткие крылья – когда дракон появлялся в воздухе, о его появлении узнавали сразу. Да, он о себе предупреждал, – но спасения от него все равно не было.

Свою добычу мохнатый выслеживал мгновенно, молниеносно приближался к земле – опередить чудище не сумел бы никто – и захватывал человека, причем не лапами, а длинным узким хвостом, как петлей. Я слышал, что он у дракона гибкий и крепкий, точно кнут; наверняка многие задыхались в его тисках еще по дороге в драконье логово. А с теми, кто попадал туда живым, дракон вытворял... Тут я не знал, насколько этой молве вообще можно верить. Говорили, будто язык у новоявленного чудища длинный и узкий, как у медведя, а не раздвоенный драконий, – будто пойманные им умирают не то от его ядовитой слюны, не то от непереносимого ужаса, – ну а дракон и падалью не брезгует... Много чего говорили. Но лишь в одном сомнений не было: убивал он изощренно, – словно обладал разумом.

Откуда только брались такие слухи?.. Что в них было правдой, а что – выдумками досужих стариков? Неужели кому-то удалось уйти от дракона живым – или нашлись храбрецы, сумевшие его выследить и остаться незамеченными?.. И где оно обитало, это чудовище, – откуда оно появлялось и куда уносило обитателей Можжевельового Края?.. Я не побоялся бы пойти на косматого и в одиночку, – но как искать того, чего не знаешь? И не дожидаться же, пока жесткие крылья загремят над твоей крышей – под которой с тобой живут старая мать и жена на сносях.

Но... все-таки дождались. Сперва – один наш охотник ушел на промысел, да так и не вернулся. Потом где-то у излучины лесной реки обнаружили его сапог – видно, с ноги свалился, когда... А спустя пару недель в нашем селении появился незнакомец – явно беглец: кожа на руках и ногах содрана, ссадины на лице, одежда – в лохмотья, а в глазах... Их невозможно описать, эти глаза. Только они о пережитом ужасе и могли рассказать – их хозяин говорить как будто разучился.

И тогда я решился. Надо было отыскать чудовище и прикончить его, – пока оно не опустошило весь Можжевельовый Край. Я вызвался сам.

Других смельчаков не нашлось. Тот беглец пришел по дороге, ведущей на север. Значит, надо было идти туда.

В день, когда я собрался в путь, проводить меня выпало чуть ли не все селение. Мальчишки возбужденно шушукались, откровенно глаза на мой меч, висящий на новой перевязи, — старики качали головами и опускали глаза.

Вдруг из толпы показалась старуха — такая древняя, что, наверное, уже лет десять дальше своего порога не выползала. Я ее раньше и не видел ни разу. Но она приближалась именно ко мне, не говоря при этом ни слова, — и я невольно остановился в ожидании.

— На чудище вышел? — спросила она сразу и напрямую. Я даже не успел поздороваться — но ей, похоже, и не были нужны мои приветствия.

— Да, матушка. Только где его искать — кто бы мне сказал...

— Старик знает, — ответила бабка. — Прямо только иди, не поворачивай никуда, и ближе к морю держись. Там его и увидишь.

— Какой старик?.. — растерялся я.

— Что меж лесом и морем живет. — Старуха повернулась ко мне спиной и заковыляла обратно: похоже, она решила, что сказала мне все.

— Ищи старика, — отозвался кто-то из толпы. Я не видел сказавшего: может, это в моей голове прозвучало, а показалось — будто со стороны.

... Я тронулся в путь. Три дня я шел, никого по дороге не встретив: даже птица не пролетала над головой, даже ящерка не мелькала у меня под ногами. Кто распугал их — уж не мохнатый ли? Время от времени я беспокойно вглядывался в небо, — но и оно оставалось пустым, чистым и бестревожным.

На третий день пути я увидел его. Того, о ком говорила старуха из нашего селения. Он сидел на огромном камне, покрытом рыжевато-бурыми пятнами мха; сидел спиной к лесной чаще и лицом — к морю, прямо и неподвижно, словно видел другой его берег и высматривал что-то на нем.

Я сразу понял, что это тот самый старик. По виду он ничем не отличался от обычного рыболова, да и одет был так же. Но, приблизившись, я заметил, что его густая седина то вдруг голубоватой покажется, то зеленоватой — а потом вновь серо-белая, как слежавшийся снег. Будто и не видел ты ничего.

Я подошел к нему и остановился. Старик обернулся. Он ничего не спросил и даже не удивился, будто и раньше меня встречал.

— На мохнатого дракона идешь, — сказал старец. — По доброй воле идешь. Только дороги не знаешь.

Я хотел было ответить, но понял, что тут не я должен расспрашивать: старик и без меня всё нужное скажет.

– Дракон скоро сам умрет. Потому среди людей и появился.

– Откуда?.. – я даже опешил.

Старик не ответил. И снова перевел взгляд на море.

– Пускай умрет – мало ли когда он умрет! Что же нам теперь, сидеть и ждать, пока он всех людей в нашем краю перегубит?

Старик снова посмотрел на меня.

– Хочешь уничтожить дракона?

– Да, хочу!

– Или хочешь людей от него спасти?

– Да разве это не одно, отец?..

Мне показалось, будто старик усмехнулся.

– Вижу я, нет в тебе страха.

– Не приучен бояться. Или я не воин из Края Можжевельников?

– Значит, *этим* дракон тебя не убьет...

Я ничего не понимал из его слов. Выходит, попавшиеся в лапы мохнатого – как-то по-другому умирали?

А старец продолжал:

– Ступай дальше, вдоль берега моря, пока серые скалы перед собой не увидишь. Дойдешь – самую большую среди них высматривай. Возле нее дракона ищи.

– А когда найду – как убить-то его? Куда метить?

– В прибрежных валунах притаись – оттуда за ним следи. И запомни: спящий дракон для тебя не грозен. Это ты для него опасен будешь – если сзади подойдешь.

– Сзади?.. Отец, но я воитель, а не разбойник. Я на любого противника всегда шел в открытую...

– Идти-то можно – да не всякого противника в открытую победишь. Пришел смельчаком – не стань дураком. Не твоим мечом драконью шею перерубить. Дракон только хвостом до своей добычи дотянуться и может. Сзади к спящему чудовищу подойди – и хвост отсеки: там, где серое кольцо поперек него проходит – туда целься.

– Так проснется же мохнатый! И от боли – еще сильнее разъярится!

– Разве ящерица ярится, если свой хвост у тебя в руках оставит?

Слова старика немного меня успокоили.

– Ну а потом?

– Потом?.. В камнях спрячься – и уходи незамеченным. Твое дело исполнено. Дракону умирать, не тебе.

– А если он снова прилетит? Как же тогда мои сородичи мне поверят? Позору не оберешься – не только хвастуном, но и трусом ославят...

– Тебе так дорога твоя слава?

Я не знал, как лучше ответить – вернее, боялся ответить и... сказать правду: что своей славой, как ни крути, все-таки дорожу.

– Тогда вот что еще выслушай. Даже если дракон прямо на твоих глазах умрет, – ничего драконьего себе не забирай. Ни чешуйки с его лап, ни волоска из его шерсти. И главное – в глаза дракону не смотри.

– А что в них? – не сумел я унять свое нетерпение. – Они так ужасны? Или заглянувший в них – тут же окаменеет?

– Может, и окаменеет. Да только от страха, – коли отыщется в тебе страх. А не отыщется...

– Чего ж тогда бояться, раз не отыщется?

– Испытывать тебя дракон будет. Не увидит боязни, – другое искать начнет.

– Что, отец?

– Своей.

Признаться, я опять ничего не понял.

– Ну а если не найдет?

Старик отвел взгляд.

– А вот этого – никто тебе не скажет. Но в глаза – не смотри. Двери беде откроешь.

– Хорошо, отец! Не уразумею – так хоть запомню! Прощай!

– Постой! – окликнул меня старик, едва я и на пять шагов не успел отойти. Я оглянулся.

– Жены своей... не касайся. Когда вернешься.

Тут уже настал черед усмехнуться мне.

– Да долго еще не придется.

– И потом воздержись. Чтобы чернота драконова сыну твоему не досталась...

Я удивился: неужели старик и это знает – кого моя жена вынашивает? И что за странные разговоры он завел мне вдогонку? Но рассуждать уже было некогда: солнце двигалось к западному краю неба, а я еще не нашел, где мне провести эту ночь.

... Седьмой день моего пути был в зените, когда я увидел перед собой острые серые пики, поднимающиеся над морем. Вот они, скалы, о которых сказал мне старик! По пути к ним – валуны громоздятся, один больше другого, да так, что и самого моря не видать. Такие громады –

тебя надежней любой крепости от врага укроют... да только не валяются ли среди них человечесьи кости?..

Одна скала из серой гряды стояла чуть в стороне от берега и будто бы на целую голову возвышалась над остальными. Я двинулся к ней.

У подножия скалы — казалось, еще одна гора лежала, поросшая бурым лесом. По крайней мере, так издали могло почудиться. Но чем ближе я подходил, тем явственнее видел, что не лес это, а жесткая шерсть, почти черная, всклокоченная ветром; из-под шерсти высывалась огромная чешуйчатая лапа, каждый палец которой заканчивался тусклым когтем. Бока мохнатой горы с тяжким шумом вздымались и опускались, и от этого дыхания расходилось вокруг — нет, не зловоние... но какой-то тяжелый, тревожный запах. Любой, кто почуял его, тотчас бы сказал: так пахнет старость.

Выходит, дракону действительно недолго жить осталось?..

А если они долгожители, эти драконы? Кто знает, сколько последняя четверть жизни у них длится! И может, загубленными человеческими жизнями — чудовище *свою* продлевает?.. Нет уж — слишком долго терпел Край Можжевельников, слишком долго шел сюда я сам, — чтобы дать мохнатому дракону умереть просто так, словно лесному ежу.

Я осторожно подошел еще ближе. Нападать нужно сзади — так говорил Старец-возле-морья... Дракон лежал неподвижно — его головы я не видел и даже сразу не понял, откуда надо подходить. Но потом разглядел его крылья — те самые гремучие крылья, которые наводили на всех такой ужас. Их черные пласты протянулись вдоль огромного шерстистого туловища — куда-то вперед: похоже, дракон прикрывал ими голову. Мне неслыханно повезло: заявиться к дракону и — застать его спящим.

Но опять же — никто не знает, сколько продлится его сон!

Значит, нельзя терять ни минуты.

От туловища-горы тянулось что-то вроде длиннущего ремня из сероватой кожи. Я пригляделся: так это же хвост дракона, которым он оплетает свою добычу, как бичом! Даже представить жутко, если он вдруг вздумает им пошевелить — пусть даже во сне... Где же его уязвимое место — то самое серое кольцо? Для такой плотной чешуи мой меч — не страшнее иголки...

Знак, о котором толковал мне старик, я заметил не сразу: кольцо на драконьем хвосте расположилось почти у самого его основания. Я размахнулся что есть силы, ударил мечом по этому месту, и — о чудо! — чешуйчатый хлыст отделился от драконьего тела — будто лохматое

чудище и впрямь было обыкновенной ящерицей, которая оставила свой хвост в руке у поймавшего ее мальчишки!

Пока я стоял и дивился, мохнатая гора зашевелилась. Обрубок хвоста-хлыста как-то странно дернулся, словно дракон проверял, на месте ли он, и хотел ударить им по земле. Черные крылья задвигались, наполняя воздух невыносимым шуршанием...

Я отбежал к ближайшему валуну и укрылся за ним, исподволь наблюдая, что же будет происходить дальше. Но... ничего не происходило: дракон снова замер, прикрыл голову крыльями и – продолжал дремать.

Тут меня охватила нечеловеческая ярость. Это что же – я теперь должен тихонько уйти восвояси, а косматое чудовище – будет спокойно спать до тех пор, пока не придет к нему такая же спокойная смерть?

И оно даже не узнает, не увидит, кто его победитель?

Ладно, дракон не узнает – но пусть узнают другие! Чтобы воин из Края Можжевельников – вернулся домой без трофея?.. Чтобы на моем поясе – не красовалась бурая драконья шерсть?..

Да не бывать тому!

Слова старика – точно ветром выдуло из моей памяти – вместе с остатками страха. Я подбежал к спящему чудищу сбоку – ухватил рукой толстый пучок жесткого, как у медведя, меха – и одним махом отсек его. А потом еще раз, – и еще. Вскоре я был опоясан этими бурными клочьями, – словно оброс ими не хуже самого дракона...

И тут снова раздался звук, который я сперва не узнал, хотя уже слышал сегодня – мне показалось, что где-то над морем началась гроза. Но это дракон наконец-то проснулся – и снова расправлял свои жесткие крылья.

Он поднял их, эти черные перепончатые паруса, – и, пока опускал на землю, меня от этого взмаха как ветром отбросило в сторону. Я едва успел подняться и хоть что-то подумать, – как дракон выгнул шею, будто подкову, – и наставил свою морду прямо на меня.

Голова у дракона оказалась намного меньше, чем можно было ожидать от такой громадины. В глаза мне бросились широкие коричневые ноздри, два острых выступа на голове, похожие на небольшие рога, и полукруглые клыки, выпирающие из пасти. Но обо всем этом я в ту же минуту забыл: на меня уставились, меня поглотили – огромные черные драконьи глаза.

Он не разевал пасть – он даже не пошевелил ни одной из своих чудовищных лап. Каким-то неведомым прежде чутьем я понял, что он

вовсе не намерен сожрать меня прямо на месте. Более того – если бы я об этом начал думать, то точно бы оказался в его брюхе.

Но дракону нужно было *не это*. Он всего лишь *смотрел* на меня – прямо в глаза, не мигая – вернее, нет: не просто смотрел. Он как будто что-то во мне выискивал, проникая взглядом в ту незримую клеть, которую называют душой, и нагло, по-хозяйски в ней шарил. Я влип в его взгляд, как в черную густую смолу; даже если бы я всей этой самой душой захотел, – то не смог бы отвести своих глаз от драконьих.

Дракон не просто смотрел – он со мной *разговаривал*.

Не из слов, не из звуков состоял этот разговор. Но – странное дело – на память мне пришли все военные походы, бывшие прежде, все павшие в этих походах от моего меча... вспомнились состязания и поверженные мной соперники... вспомнилась и та ярость, которая клочкотала во мне при встрече с ним самим – моим молчаливым собеседником... и моим безжалостным судьей.

В ту минуту я не был воином из Края Можжевельников. Тусклыми когтями на гигантских лапах – я раздирал звериные туши; это я захватывал длинным гибким хвостом подвернувшихся мне путников; мои клыки не оставляли им никакой надежды, – мои крылья гремели в воздухе, заставляя обреченно замирать каждое сердце...

Нет, не противника высматривал во мне дракон, – а соратника.

Нас было двое – там, у серой скалы, до которой едва доносилось дыхание моря. Один был драконом, – другой по виду человеком. Но у каждого из нас – драконье сердце гнало кровь по жилам. И душа у нас была одинаковая – драконья.

Не знаю, сколько времени продолжался этот странный поединок. Но наконец черные провалы неподвижных глаз на миг прикрылись веками, и дракон шумно, с усилием выдохнул – меня обдало тяжелой, тревожной струей, вырвавшейся из его ноздрей. Затем он медленно от меня отвернулся, будто узнал всё нужное и теперь потерял ко мне интерес, – одновременно взмахнул крыльями и оттолкнулся от земли лапами (при этом мне снова едва удалось удержаться на ногах) – и улетел в сторону другого берега моря – откуда, наверное, и прибыл в наши края.

Должно быть, и умереть ему – тоже положено было там.

...Больше о мохнатом драконе в Можжевелевом Краю не слышали. Вскоре о нем и разговаривать перестали – чего обсуждать и вспоминать того, кого нет?

О Старце-возле-моря – тоже никто не припоминал.

Я и надеялся, и боялся встретить его на обратном пути, — но опутанный мхами камень был пуст. Только он и напомнил мне о том наставлении старика, которое я еще не успел нарушить.

«Жены своей... не касайся. Когда вернешься».

Что ж, это выполнить было куда проще — когда ты возвращаешься домой после двухнедельного пешего хода и готов от усталости заснуть чуть ли не на крыльце, — а жена твоя в тягости, да еще переносит ее так, что того и гляди с душой расстанется. Она как-то сразу поняла — что я не тем вернулся, кем уходил... но ни о чем меня не расспрашивала, даже взгляда сурового ни разу не бросила. Только однажды вечером, когда мы сидели у огня, жена мне тихонько сказала:

— А зрочки у тебя уже не серебрятся...

Это было первой переменной, лишь ею одной замеченной, — но не единственной.

Следующим знаком стал день большой охоты, на которую я отправился со своими товарищами. В наших лесах крупного зверя завелось — прямо невиданно; наверное, почуяли, что дракона уже нет, — вот и повылезли... нам же на радость. Не припомню, чтоб когда-нибудь у нас было съедено и запасено столько лосиного мяса и кабаньего сала.

Ну а в тот день — добычи было столько, что мы принялись свежевать ее сразу же, как только вернулись в селение. Пока я орудовал ножом, кто-то из моих напарников заметил:

— Слушай, ты так эту шкуру дерешь, как будто у тебя когти выросли...

Я даже остановился и посмотрел на свои руки: неужто и правда? Но, ничего такого не увидев, расхохотался во все горло, — а следом за мной засмеялись и другие охотники. Должно быть, я торопился — вот и померещилось им в моих движениях что-то звериное... А может, — дело в жесткой бурой веревке из шерсти мохнатого дракона, которую я теперь носил прикрученной к поясу? Может, она сама по себе делала меня похожим на...

Вечером того же дня я дождался, пока мать и жена лягут спать, — и бросил эту веревку в огонь. Сам не знаю, что меня заставило, — но почему-то хотелось побыстрее отделаться от своего трофея.

Драконья шерсть стала в огне как будто еще темнее, — медленно занялась и еле слышно зашипела, сгорая. И опять мне почудился — или на самом деле послышался? — тяжелый, тревожный запах, похожий на дыхание дракона... Слабой была эта струйка и быстро рассеялась, так и не долетев до ноздрей спящих женщин, так и не войдя в их легкие — и в кровь моего первенца.

Но я, как и моя жена, — продолжал вынашивать в себе новое, незнакомое мне существо (или все-таки... знакомое?), которое с каждым днем всё явственнее о себе заявляло.

... Во время праздника летнего солнцеворота, совпавшего с очередной удачной ловлей, — когда повсюду горели костры и медленно поворачивались на вертелах кабаньи и олени туши, — я поймал себя на мысли, что и впрямь готов разорвать голыми руками самую крупную из них — и впиться в нее изо всей силы, не дожидаясь, пока та изжарится.

... Как-то вечером — в полутьме деревянной бани — я скинул с себя рубаху и... увидел на своей груди и руках островки жестких бурых волос. От роду со мной такого не было. Как будто и не северянин вовсе...

... Взглянув ненароком в ковш с водой, из которого хотел напиться, — я вдруг заметил, что мои ноздри стали шире, а глаза — больше и темнее... как будто и не мои они вовсе. Впрочем, мало ли что покажется в неверной поверхности воды... Я обхватил ковш обеими руками — и понял, что он вот-вот из них выскользнет. Мои ладони словно стали большими и неуклюжими, а пальцы — длинными и какими-то негнущимися...

Так вот что имел в виду старик, когда сказал мне: «Двери беде откроешь». Какие там двери — тут уже ворота настезь распахнуты, и ветер по двору гуляет!.. Выходит, скоро настанет тот день, когда...

Нет, — не настанет. А и настанет — меня не застанет! Если двери беде моей рукой открыты, — то, значит, из этих дверей должен уйти я сам.

В одну из ночей в конце лета, когда воздух уже холодел и властно напоминал о приближающейся осени, — я навсегда покинул свой дом и родное селение. Именно тогда под нашей крышей раздался первый крик моего сына.

В ту ночь — я думал о нем в первый и последний раз, хлеща по морскому мелководью длинным и узким хвостом, похожим на хлыст, и оставляя на влажном прибрежном песке отпечатки своих огромных когтистых лап.

... Эй, путешественник! Слышал ли ты о косматом драконе из Края Можжевельников? Если нет, — ты явно в наших местах недавно. Иначе не стал бы вздрагивать, заслышав в воздухе далекий гром его крыльев.

Нет, не дрожи, не пугайся — он не преследует людей и вообще держится подальше от человеческих поселений, а особенно — от того дома, где молчаливая черноглазая женщина растит сына, отец которого исчез в самую ночь его рождения. От этой летающей громады — крупному лесному зверю не уйти живому: сила дракона — в длинном хвосте,

мощном, как ременный кнут; один его удар – и самый огромный медведь в лесу повалится мертвым. А дракон, говорят, не брезгает и такой добычей.

Но главная его цель, главная его жертва – другие драконы, которые пересекают небо над Можжевелевым Краем. Это для них он – самый первый враг и преследователь, хотя и не наделен огненным дыханием. Что? Ты думаешь, огонь из *п*асти обычного дракона в один миг опалит бурый мех на драконе с гремящими крыльями?.. Да не успеет она открыться, эта пасть. Длинный узкий хвост мигом оплетется вокруг шеи противника...

Иди, иди своей дорогой, чужестранец. Битва драконов в воздухе – это зрелище, достойное созерцания. А дракон, пожирающий дракона, – на это лучше не смотреть никому. Ступай в ближайшее селение – может, там тебе расскажут, если еще помнят, о славном воине из Края Можжевельников, в одиночку ходившем на другое мохнатое чудище. Но не верь, если скажут тебе, что он сгинул бесследно: не мог сгинуть тот, кого ты только что видел.

И дракон, и тот воин – это всё я.

Только второго во мне – с каждым годом, с каждым глотком драконьей крови – всё меньше. Скоро, наверное, придет день, когда я совсем об этом забуду – о том, *кто* этот второй во мне.

... Кто сосчитал бы их – годы моего драконьего существования? Но они привели меня на край жизни быстрее, чем я думал. Поглощая жизни других драконов, – я не продлевал, а укорачивал свою.

Незаметно клыки мои расшатались, когтистые лапы ослабли, гремящие крылья отяжелели, и неподъемным стал страшный драконий хвост, от которого никому не было спасения. Умиравший дракон, – дракон, которого одолела старческая слабость, – да такого огнедышащие собратья мигом доконают... особенно если вспомнят его прежние подвиги.

В последний раз я взмахнул ослабевшими крыльями – и направился в сторону серых скал. Если верно, что дракону положено умирать там, откуда он явился, – то туда мне была самая дорога. Ведь это возле серых скал я драконом стал.

Там для меня и пещера нашлась, в которой я теперь и обитаю. Редко-редко выползаю я из нее – в надежде, что какая-нибудь крупная рыбина опрометчиво подплывет к берегу. Но по большей части – если боль мои клыки не сверлит и если холод не донимает – я почти всё время сплю... вернее, не сплю, а впадаю в старческое забытие, похожее на сон...

тогда ко мне приходят, то и дело сменяя друг друга, путанные видения, в которых перемешались обе мои жизни – драконья и человечесья.

... Однажды мне приснилась прибрежная полоса... глухой шелест моря... и камень, поросший темно-бурыми пятнами мха. На нем сидел старик и тихонько пел. Язык этой песни не был знаком тому, кто вырос в Краю Можжевельников, – но я, как ни странно, все в ней понимал. Старик пел о молодом охотнике из этого края, который ни разу не видел своего отца – но которого почему-то прозвали Сыном дракона.

Старец окончил свою песню и посмотрел – из моего сна – прямо на меня. Он как будто хотел мне снова что-то сказать, – но внезапно моя дрема рассеялась, точно разбитая каким-то звуком.

Может, это рыба плеснула? Или камешек оторвался от скалы и с глухим стуком упал на песок? Да нет, – этого звука я прежде здесь не слышал... А если это какой-нибудь зверь, который только рад воспользоваться моей немощью?.. Нееет, надо выползти из пещеры... надо видеть своими глазами, что вокруг нее происходит...

Туман, висевший над серыми скалами несколько дней подряд, почти рассеялся – от него осталась только легкая дымка, пронизанная лучами утреннего солнца. Кажется, день обещает быть теплым. И то хорошо – хоть погреюсь немного...

... Около серых скал снова послышался звук человеческих шагов.

Контактная информация авторов

Андрей Смолюк	<i>andreismolyuk@yandex.ru</i>
Вадим Мальцев	<i>vadimmaltcev@yandex.ru</i>
Людмила Рогочая	<i>vulf_01@mail.ru</i>
Наджия Макогонова	<i>makogonovani2009@mail.ru</i>
Сергей Першутин «Расулов Илия»	<i>sergeypershutin@gmail.com</i>
Татьяна Воронова	<i>invisible2editor@gmail.com</i>

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 28

Все права на произведения принадлежат
исключительно их авторам.

Составитель-редактор:

Независимое Издательство «Первая Книга»

www.перваякнига.рф